

БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ

Индекс УДК 94(47).084.8 + 343.819.5

Код ГРНТИ 03.23.55

DOI: 10.22204/2587-8956-2025-120-01-52-63

С.В. АРИСТОВ*

Судьба советских военнопленных в годы войны

Статья посвящена анализу положения советских военнопленных в годы Второй мировой войны, изучению факторов их массового пленения и причин высокой смертности в нацистских лагерях. Рассматриваются преступные приказы командования вермахта, «политика голода», а также использование советских военнопленных в качестве принудительной рабочей силы. Анализируются стратегии выживания в плену, включая противодействие лагерной администрации, участие в движении Сопротивления и коллаборационизм. Отдельное внимание уделено обсуждению вопросов общего числа пленённых и количества жертв. Поднимаются вопросы, требующие дальнейшего исследования, такие как лагерная повседневность, биографии пленённых советских генералов, а также выявление имён погибших советских военнопленных и мест их захоронения.

Ключевые слова: советские военнопленные, вермахт, лагеря, коллаборационизм, Сопротивление, Вторая мировая война

Хотя плен всегда был частью вооружённых конфликтов, лишь в годы Второй мировой войны этот феномен приобрёл невиданные ранее масштабы. В общей сложности в плену оказалось около 35 млн человек [1], среди которых одной из самых значительных групп (по разным данным, порядка 4–6 млн чел.) стали советские военнопленные, попавшие в руки нацистов.

В отечественной и зарубежной историографии активно обсуждаются причины столь масштабного пленения советских военнослужащих. Среди них выделяются военно-организационные факторы: неожиданный по силе и хорошо спланированный удар вермахта; уничтожение значительной части авиации на земле; быстрое продвижение вглубь советской территории за счёт

* **Аристов Станислав Васильевич** — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра по изучению истории Великой Отечественной войны Института российской истории РАН, заведующий кафедрой истории и культурологии НИУ «МЭИ».
E-mail: aristov_stanislav@hotmail.com

мобильности частей; более высокая слаженность и боевой опыт немецкой армии; недостаточное обеспечение Красной армии средствами связи, что привело к нарушению руководства и координации действий подразделений; нехватка современной техники, оружия и боеприпасов; проблемы с эвакуацией раненых и др. На всё это накладывались морально-психологические причины: случаи паники и растерянности в войсках усугублялись моральной неготовностью к отступлению; влияние немецкой пропаганды, внедрявшей образ «непобедимой немецкой военной машины»; демаскирующая роль официального дискурса о дружбе с Германией после подписания «Пакта Риббентропа—Молотова» и др. [2]. Возникают требующие тщательного изучения «трудные» вопросы относительно недостатков военно-тактической подготовки и политико-воспитательной работы в частях, включая офицерский состав и коммунистов (как известно, партийная прослойка в РККА до войны была значительней, чем вне армии), и др.

Преступные нацистские планы в отношении советских пленных

Попав в плен, красноармейцы оказывались в руках вермахта, в первую очередь его Общего управления (ОКВ/АВА) или аналогичных отделов в германской авиации и на флоте. Кроме того, в 1941 г. Третий рейх был разделён на 17 военных округов. В каждом из них появились специальные уполномоченные по делам военнопленных, которые должны были заниматься организацией и функционированием лагерей. Но прежде чем попасть в эти лагеря, пленённые сначала оказывались в армейских сборных пунктах, а затем в пересыльных лагерях (дулагах). Только после пребывания в них пленных направляли в «основные» лагеря, которые, как правило, располагались на территории рейха: в шталаги для рядового состава и офлагы — для офицеров.

Передача пленных в ведение других инстанций, помимо армейских, формаль-

но должна была исключаться. Однако это имело место, и советских солдат, как и пленных из других стран, иногда передавали гестапо или СС, хотя это противоречило Женевской конвенции и разработанным на её основе инструкциям.

Для руководства рейха, рассчитывавшего на успех блицкрига, положение вещей, складывавшееся на фронте в первые месяцы Великой Отечественной войны, не стало большой неожиданностью. Нацисты надеялись на значительный приток советских пленных, но при этом они не планировали обращаться с ними в соответствии с международными нормами.

По идее Женевская конвенция 1929 г. должна была составлять правовую основу для обращения с военнопленными, находящимися в немецком плену, так как Третий рейх ратифицировал этот документ в феврале 1934 г. Тем не менее в отношении советских военнопленных действовали особые предписания, которые стали основой для расовой политики уничтожения и эксплуатации, направленной против большевизма как идеологии и граждан Советского Союза как «неполноценных» людей.

Весной – в начале лета 1941 г. командование вермахта и его сухопутных войск выпустило ряд приказов, оцениваемых в настоящее время однозначно как «преступные». Данные приказы и основанные на них действия привели к колоссальной смертности и масштабным убийствам после начала вторжения Гитлера на территорию СССР. «Расовая война» велась не только полицией и СС, но и вермахтом, функции которого в этом случае варьировались от логистической и снабженческой поддержки айнзатцгрупп (специальных отрядов СС, отвечавших за уничтожение расовых и политических врагов рейха на оккупированных территориях) до непосредственного участия в убийствах советских военнопленных. Именно преступное отношение вермахта к пленным являлось одной из основных причин массовой гибели последних (ил. 1).

Ил. 1. Посещение Г. Гиммлером лагеря советских военнопленных под Минском (август 1941 г.)
(источник: National Archives and Records Administration (NARA). Source Record ID: 242-HB-47721-304)

Реализация политики уничтожения в лагерях

С началом вторжения на территорию СССР оккупанты на практике приступили к реализации преступных приказов, в частности к запланированному массовому уничтожению «политических комиссаров». В случае выявления политработника или подозрения на подобный статус солдаты вермахта расстреливали таких бойцов Красной армии сразу после пленения, на поле боя либо на сборных пунктах. В тыловых районах — в дулагах и шталагах — в подобных акциях принимали участие представители айнзатцгрупп. С осени 1941 г. функции «отбора» и уничтожения «нежелательных» в оперативной зоне были окончательно закреплены за подразделениями полиции безопасности и СД. В тылу проверку и допрос осуществляли члены айнзатцгрупп и офицеры контрразведки — в лагерях военнопленных. Затем

список «отобранных» направляли в РСХА, где он утверждался и принималось решение о транспортировке советских военнопленных в тот или иной концлагерь для ликвидации.

В концлагерях Третьего рейха к лету 1942 г. были «отобраны» для ликвидации и убиты не менее 34 тыс. человек. Вполне возможно, их было больше, так как многих жертв даже не регистрировали по прибытии. Убийства происходили во всех лагерях, где оказались военнопленные, и осуществлялись изначально посредством расстрелов небольших групп.

Операция по уничтожению «политкомиссаров» была шагом «эволюции» нацистской концлагерной системы на пути отработки новых технологий геноцида. Расстрелы и инъекции оказались «малоэффективными», а существующая лагерная инфраструктура (в частности крематории) и логистика (транспортировка и размеще-

Ил. 2. Советские военнопленные в лагере Демблин в Польше (1942 г.)
(источник: NARA. Source Record ID: 338 - box 432-file 66-1596)

ние жертв) не соответствовали масштабам начавшихся репрессий. Учитывая опыт проведения акции в отношении советских военнопленных, нацисты приступили к «усовершенствованию» методов массового уничтожения. Уже в августе 1941 г. в Аушвице впервые для убийства советских военнопленных нацисты использовали газ «Циклон В». Второй раз это произошло 3 сентября — тогда жертвами стали 600 советских военнопленных, 250 польских больных узников и 10 поляков-штрафников [3].

Отдельной категорией военнопленных являлись советские женщины-красноармейки. Отношение к ним со стороны нацистов представляло собой смесь расовых и гендерных стереотипов, что делало их положение в начале войны не менее тяжёлым, чем пленных мужчин (ил. 2). Характерным был приказ от 29 июня 1941 г. генерал-фельдмаршала Гюнтера фон Клюге о том, что «женщин в униформе следует расстре-

ливать». Однако уже с 1942 г. советских женщин-военнопленных в большинстве случаев на месте не расстреливали, а «прагматично» направлялись в концлагеря с целью дальнейшей трудовой эксплуатации.

Практика ликвидации немцами в первую очередь политкомиссаров и других «политически неблагонадёжных» не означала, что остальные советские военнопленные имели большие шансы на выживание. «Политика голода» и создание условий для массовой гибели распространялись и на тех, кто не был уничтожен сразу после пленения. Особенно катастрофичным был первый год войны.

Осенью 1941 г. во всех лагерях советских военнопленных начался голод. В октябре этого года официальный паёк для неспособных работать узников был сокращён на 27%. Дело дошло до того, что в лагерях фиксировался каннибализм [4]. К концу ноября 1941 г. смертность в неко-

Ил. 3. Раздача хлеба советским военнопленным в лагере в Виннице (лето 1941 г.)
(источник: NARA. Source Record ID: 242-GAP-267-B-11)

торых лагерях военнопленных на оккупированной территории БССР достигла 2% узников в день (ил. 3).

В немецких лагерях военнопленных, специально предназначенных для солдат Красной армии, смертность за время войны составила 57,5%. В лагерях для солдат западных союзников она была менее 5%, поскольку там условия содержания, включая питание и медобслуживание, были значительно лучше [5]. Лагерь для советских военнопленных, вне зависимости от их названия и функций (дулаг, офлаг или шталаг), по своей сути были гораздо ближе к центрам уничтожения — Треблинке, Белжецу, Собибору, Хелмно, возникшим позднее для массового убийства еврейского населения.

В лагерях сателлитов Германии смертность советских военнопленных была ниже, хотя достоверность их статистики вызывает сомнение. Правда, и количество пленных, содержащихся в них, было кратно меньше,

чем у немцев. Так, из 91 060 советских военнопленных, оказавшихся в румынском плену, по румынским данным, в лагерях умерли 5 223 (около 5,7%). Согласно официальным финским сведениям, в их плен попали 64 188 советских солдат и офицеров, из которых погибли 19 016 человек (29,6%) [6]. Советских военнослужащих, взятых в плен венгерскими, итальянскими и словацкими войсками, передавали вермахту и содержали в немецких лагерях.

Значительная нехватка рабочей силы в Третьем рейхе привела к усилению «прагматического» подхода к советским военнопленным как к источнику рабского труда. В ноябре 1941 г. Г. Геринг отдал приказ отбирать, оставляя в живых, тех, кто был пригоден к работе. И хотя на практике подобная политика начала реализовываться только к середине 1942 г., к концу войны в экономике нацистской Германии использовался принудительный труд более одного миллиона советских военноплен-

ных. Если изначально они были заняты преимущественно в сельском хозяйстве, то со временем практика их использования распространилась фактически на все отрасли, включая военную промышленность. По оценке учёных, принудительная эксплуатация советских военнопленных принесла экономике рейха как минимум 500 млн марок дохода [7] (ил. 4).

Оценки общего числа советских пленных и количества жертв

Учёные до сих пор спорят об общей численности и масштабах смертности попавших в плен солдат Красной армии. Один подход апеллирует к германской статистике, второй основывается на расчётах отечественных исследователей. По данным германской военной разведки, к февралю 1945 г. в немецком плену насчитывалось 5,7 млн советских военнопленных. Среди них 3,35 млн были взяты в плен в 1941 г. и примерно 2,4 млн оказались в плену

с 1 января 1942 г. по 1 февраля 1945 г. Однако, согласно донесениям вермахта, к декабрю 1941 г. численность советских военнопленных составляла 3,8 млн человек. Разница в данных — 450 тыс. человек — с большой долей вероятности отражала количество погибших и убитых немцами военнопленных с момента пленения до попадания в лагерь. Таким образом, с учётом гибели при транспортировке общее число советских военнослужащих, оказавшихся в нацистском плену за период с начала войны и до 1 февраля 1945 г., могло составлять 6,2 млн человек.

По мнению В.Н. Земскова, эту цифру нужно увеличить как минимум до 6,3 млн с учётом советских солдат, попавших в плен в самом конце войны — с февраля по начало мая 1945 г., а также с учётом данных по финскому и румынскому плену (в общей сложности более 100 тыс. чел.) [8].

Имеются и другие оценки численности пленных, основанные на советских ар-

Ил. 4. Советские военнопленные на принудительных работах по строительству железной дороги (1941–1942 гг.)
(источник: United States Holocaust Memorial Museum. Photograph Number: 16755)

Ил. 5. Советские военнопленные готовят к кремации останки своих товарищей (лагерь военнопленных Хелм на территории Польши) (лето 1941 г.)
(источник: *United States Holocaust Memorial Museum. Photograph Number: 05975*)

живных данных. Так, Комиссия при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий под руководством А.Н. Яковлева оценивала число пленённых в 4,07 млн человек [9]. Наибольшее распространение в постсоветской историографии получили выводы коллектива военных историков во главе с Г.Ф. Кривошеевым. Они пришли к выводу, что максимальное число советских военнопленных периода Великой Отечественной войны составляло 4,3 млн человек. Разницу с германской статистикой сторонники этой точки зрения объясняют тем, что немцы включали в категорию военнопленных не только собственно военнослужащих РККА, но и других вооружённых формирований и даже гражданское население, которые тоже заключались в концлагеря.

Что касается оценки числа погибших в плену советских военнопленных, то и в этом вопросе нет единого мнения.

Группа Г.Ф. Кривошеева на основании сохранившихся в отечественных архивах документов пришла к выводу о гибели 1,8 млн советских пленных [10]. Значительно большую цифру — 3,3 млн человек — даёт немецкий историк К. Штрайт [11]. Долгое время из статистики исключались военнопленные — в дальнейшем погибшие участники коллаборационистских формирований. В.Н. Земсков подсчитал, что с учётом этой категории число погибших военнопленных могло составить 3,9 млн человек [12].

Подводя итог подобным дискуссиям, отметим, что в силу фрагментарности сохранившейся источниковой базы, а также разницы в методологических подходах целесообразно приводить нижнюю и верхнюю границы имеющегося в литературе минимального и максимального количества советских военнопленных, в том числе — погибших (ил. 5).

Стратегии поведения в плену

Одним из важных аспектов историографии советского плена является изучение стратегий выживания военнопленных, оказавшихся на грани жизни и смерти. В настоящее время выделяются как минимум четыре основных модели поведения: смирение (покорность), приспособление, противодействие (сопротивление) и коллаборационизм [13, 14]. Чёткого разграничения между этими условными моделями не может быть, поскольку многие узники, демонстрируя внешнее смирение или даже готовность к сотрудничеству с лагерной администрацией, делали это ради выживания (приспособления) или даже получения возможностей для сопротивления.

Реакцией на массовые убийства, жестокое обращение, «политику голода» и др. в отношении советских военнопленных стало распространение разных способов пассивного или активного противодействия лагерной администрации, а также участия в движении Сопротивления. Формы этого противостояния были самыми разнообразными — от одиночных и групповых побегов (к 1 мая 1944 г. в нацистских документах среди успешно совершивших побег числилось в общей сложности 66 694 красноармейца) [15] до участия в европейском движении Сопротивления. В некоторых случаях даже отказ вступать в коллаборационистские формирования требовал немалого мужества и был сопряжён с риском для жизни.

В большинстве известных восстаний в концлагерях и центрах уничтожения (Аушвице-Биркенау, Маутхаузене, Бухенвальде, Собиборе), организованных с целью побега или освобождения лагерной территории, руководителями и активными участниками являлись именно советские военнопленные [16].

Нацисты не только активно использовали военнопленных как бесплатную рабочую силу, но и занимались рекрутированием бывших советских военнослужащих в состав разного рода коллаборационистских формирований. Вопрос о побудитель-

ных мотивах коллаборационизма среди военнопленных крайне сложен. Вместе с тем известно, что данная тема важна для понимания феномена военного коллаборационизма в целом, поскольку бывшие военнопленные составляли значительную долю (по некоторым оценкам — до 60%) в составе коллаборационистских формирований.

Очевидно, что лишь часть согласившихся на сотрудничество с врагом делала это из идейных (антисоветских и проч.) побуждений. Другие — чтобы под любым предлогом избавиться от невыносимых условий лагеря и элементарно выжить. Третьи изначально имели целью, вырвавшись из лагеря и получив в руки оружие, при первой возможности перейти на сторону Красной армии или примкнуть к партизанам. Другое дело, что удавалось это далеко не всегда.

Многие историки обращают внимание на то, что — осознанно или нет, — но главный «побудительный мотив» был спровоцирован самими нацистами. Речь о нечеловеческих условиях, в которых оказались люди в лагерях, где им приходилось выбирать между жизнью и смертью. Играла свою роль и немецкая пропаганда, которая активно использовала пример генерала Власова и других предателей. Гитлеровцы также пытались обыграть бескомпромиссную, не предусматривавшую прощения и нюансов, позицию, которую заняло советское руководство в отношении граждан, находившихся в плену.

По-разному оценивается общая численность пленных, оказавшихся затем в различных военных, полицейских и прочих нацистских формированиях. Наиболее обоснованными представляются сведения примерно об одном миллионе человек [17] (ил. 6).

Одним из наиболее многочисленных (порядка 55–60 тыс. чел.) и самым известным коллаборационистским военным формированием являлась созданная немецким командованием Русская освободительная армия (РОА), во главе которой был поставлен бывший генерал

Ил. 6. Групповой портрет коллаборационистов-транкиков в центре уничтожения Бельжец (1942 г.)
(источник: United States Holocaust Memorial Museum. Photograph Number: 10263)

РККА А. Власов. Существует постсоветская литература, посвящённая различным аспектам деятельности РОА, однако попытки отдельных авторов представить власовцев как идейных борцов с коммунизмом несостоятельны [18, 19]. Оценки большинства учёных, а также опубликованные в последние годы документы убедительно доказывают, что «власовский проект» с самого начала был делом рук гитлеровских спецслужб, а деятельность А. Власова и его сторонников являлась изменой присяге и предательством своей страны [20].

В начале 1942 г. руководитель «русского отдела» в VI управлении РСХА (Главное управление имперской безопасности) Г. Грефе совместно с военной разведкой (абвером) разработал концепцию создания агентурной сети из военнопленных для сбора информации в советском тылу, осуществления диверсий и саботажа. Эти наработки легли в основу так называемой Операции Цеппелин. Её главным инстру-

ментом должны были стать специально обученные группы, которые предполагалось забрасывать в советский тыл.

После первичного отбора в лагерях военнопленных, согласившихся на сотрудничество, передавали гестапо для дальнейшей проверки, и лишь затем, за исключением отсеянных, их направляли на спецподготовку вне лагеря. Предварительная работа с новобранцами «Операции Цеппелин» проводилась гестапо преимущественно среди заключённых в Бухенвальде, Заксенхаузене и Аушвице. Приём добровольцев был прекращён уже летом 1942 г. [21]. Однако открытыми остаются вопросы, какова была «эффективность» деятельности данных групп и каково было общее число их участников.

Подводя итоги, следует отметить, что история плена и советских военнопленных исследована недостаточно. Только начинает изучаться тема лагерной повседневности и стратегий выживания заключённых, а также гендерные аспекты вопроса. Мало из-

вестно о том, как функционировали лагеря на оккупированных территориях СССР [22]. Нет обобщающих трудов, посвящённых целому ряду аспектов коллаборационизма военнопленных, в частности их роли в «Операции Цеппелин». Требуется специальное изучение роли, которую красноармейцы сыграли в национальных и в европейском движении Сопротивления. Историки значительно продвинулись в изучении пребыва-

ния советских генералов в плену, но и здесь остаются лакуны, например в освещении их подпольной деятельности в концлагерях [23]. Наконец, важным направлением будущих изысканий должно стать продолжение выявления имён погибших советских военнопленных и мест их захоронения, восстановление индивидуальных биографий и коллективных судеб как во время войны, так и после её окончания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Overmans R. German Historiography, the War Losses, and the Prisoners of War // Eisenhower and the German POWs / Ed. G. Bischoff, S. Ambrose/ New York, 1992. P. 144.
2. Шнеер А. Плен. Солдаты и офицеры Красной армии в немецком плену. Т. 1. М., 2022. С. 146–229.
3. Аристов С. «Империя смерти». Концлагеря Третьего Рейха: самая полная иллюстрированная энциклопедия нацистских концлагерей. М., 2022. С. 20.
4. Overmans R. Die Kriegsgefangenenpolitik des Deutschen Reiches 1939 bis 1945 // Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg / Ed. J. Echternkamp. Munich, 2005. № 9/2. P. 808.
5. Burleigh M. The Third Reich — A New History. New York: Hill and Wang, 2000. S. 512–513.
6. Полян П. Советские военнопленные: сколько их было и сколько вернулось? // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3. № 2. С. 52–53.
7. Штрайт К. «Они нам не товарищи...»: вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. М., 2009. С. 305.
8. Земсков В.Н. «Статистический лабиринт». Общая численность советских военнопленных и масштабы их смертности // Российская история. 2011. № 3. С. 23–24.
9. Судьбы военнопленных и депортированных граждан СССР: Материалы Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 92.
10. Гриф секретности снят. Потери Вооружённых Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование / Г.Ф. Кривошеев и др. М., 1993. С. 131.
11. Штрайт К. «Они нам не товарищи...»: вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. М., 2009. С. 8.
12. Земсков В.Н. «Статистический лабиринт». Общая численность советских военнопленных и масштабы их смертности // Российская история. 2011. № 3. С. 27.
13. Аристов С.В. Жизнь вопреки: стратегии выживания в нацистском женском концлагере Равенсбрюк (1939–1945 гг.): Исследование и свидетельства. М., 2018.
14. Кобыляж-Була Р. Солдаты Красной армии в лагерях для военнопленных Ламсдорф (1941–1945) // Советские военнопленные во время Второй мировой войны на польских землях. СПб., 2018. С. 63.
15. Отто Р., Келлер Р. Советские военнопленные в системе концлагерей Германии. М., 2020. С. 199.
16. Сопротивление советских военнопленных в нацистских концентрационных лагерях и центрах уничтожения: история и память / С. Аристов, И. Васильев, М. Мацкевич, М. Эдельштейн. М., 2022.
17. Кудряшов С. Предатели, «освободители» или жертвы режима // Свободная мысль. 1993. № 14. С. 90–91.

18. Александров К. Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели. М., 2005.
19. Дробязко С. Под знамёнами врага: антисоветские формирования в составе германских вооружённых сил. 1941–1945. М., 2004.
20. Генерал Власов: история предательства: В 2 т. В 3 кн. / Под ред. А.Н. Артизова. М., 2015.
21. Отто Р., Келлер Р. Советские военнопленные в системе концлагерей Германии. М., 2020. С. 319.
22. The United States Holocaust Memorial Museum Encyclopedia of Camps and Ghettos, 1933–1945. Vol. IV: Camps and Other Detention Facilities under the German Armed Forces // Ed. by P. Geoffrey Megargee: Indiana University Press, 2022.
23. Нуждин О. Генералы и полковники РККА в плену в годы Великой Отечественной войны. М., 2020.

Fate of Soviet Prisoners of War during the War Years

Stanislav Vasilievich Aristov — Doctor of Historical Sciences (PhD), Leading Researcher of the Research Center for the History of the Great Patriotic War at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of History and Cultural Studies, National Research University «Moscow Power Engineering Institute».

E-mail: aristov_stanislav@hotmail.com

The paper analyses the situation of Soviet prisoners of war during World War II, explores the causes of their mass captivity and the reasons for the high mortality rate in Nazi camps. The author studies criminal commands of the Wehrmacht as “the Hunger Plan”, and the use of Soviet prisoners of war in forced labor. The paper examines strategies for survival in captivity, including confronting the camp administration, participation in the Resistance, and collaborationism. It especially focusses on the question of the total number of prisoners and death tolls. The author addresses issues that require further research, such as camp routine, the biographies of captured Soviet generals, and the revealing the identities of dead Soviet prisoners of war and their burial sites.

Keywords: Soviet prisoners of war, Wehrmacht, camps, collaborationism, Resistance, World War II

REFERENCES

1. Overmans R. German Historiography, the War Losses, and the Prisoners of War // Eisenhower and the German POWs / Ed. G. Bischoff, S. Ambrose/ New York, 1992. P. 144.
2. Shneer A. Plen. Soldaty i ofitsery Krasnoi armii v nemetskom plenu. T. 1. М., 2022. S. 146–229 (in Russian).
3. Aristov S. «Imperiya smerti». Kontslagerya Tret'ego Reikha: samaya polnaya illyustrirovannaya entsiklopediya natsistskikh kontslagerei. М., 2022. S. 20 (in Russian).
4. Overmans R. Die Kriegsgefangenenpolitik des Deutschen Reiches 1939 bis 1945 // Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg / Ed. J. Echternkamp. Munich, 2005. № 9/2. P. 808.
5. Burleigh M. The Third Reich — A New History. New York: Hill and Wang, 2000. S. 512–513.
6. Polyan P. Sovetskie voennoplennye: skol'ko ikh bylo i skol'ko vernulos'? // Demograficheskoe obozrenie. 2016. T. 3. № 2. S. 52–53 (in Russian).
7. Shtrait K. «Oni nam ne tovarishchi...»: vermakht i sovetskie voennoplennye v 1941–1945 gg. М., 2009. S. 305 (in Russian).

8. Zemskov V.N. «Statisticheskii labirint». Obshchaya chislennost' sovetskikh voennoplennykh i masshtaby ikh smernosti // Rossiiskaya istoriya. 2011. № 3. S. 23–24 (in Russian).
9. Sud'by voennoplennykh i deportirovannykh grazhdan SSSR: Materialy Komissii po reabilitatsii zhertv politicheskikh repressii // Novaya i noveishaya istoriya. 1996. № 2. S. 92 (in Russian).
10. Grif sekretnosti snyat. Poteri Vooruzhyonnykh Sil SSSR v voynakh, boevykh deistviyakh i voennykh konfliktakh: Statisticheskoe issledovanie / G.F. Krivosheev i dr. M., 1993. S. 131 (in Russian).
11. Shtrait K. «Oni nam ne tovarishchi...»: vermakht i sovetskie voennoplennyye v 1941–1945 gg. M., 2009. S. 8 (in Russian).
12. Zemskov V.N. «Statisticheskii labirint». Obshchaya chislennost' sovetskikh voennoplennykh i masshtaby ikh smernosti // Rossiiskaya istoriya. 2011. № 3. S. 27 (in Russian).
13. Aristov S.V. Zhizn' vopreki: strategii vyzhivaniya v natsistskom zhenskom kontslagere Ravensbryuk (1939–1945 gg.): Issledovanie i svidetel'stva. M., 2018 (in Russian).
14. Kobylazh-Bula R. Soldaty Krasnoi armii v lageryakh dlya voennoplennykh Lamsdorf (1941–1945) // Sovetskie voennoplennyye vo vremena Vtoroi mirovoi voyny na pol'skikh zemlyakh. SPb., 2018. S. 63 (in Russian).
15. Otto R., Keller R. Sovetskie voennoplennyye v sisteme kontslagerei Germanii. M., 2020. S. 199 (in Russian).
16. Soprotivlenie sovetskikh voennoplennykh v natsistskikh kontsentratsionnykh lageryakh i tsentrakh unichtozheniya: istoriya i pamyat' / S. Aristov, I. Vasil'ev, M. Matskevich, M. Edel'shtein. M., 2022 (in Russian).
17. Kudryashov S. Predateli, «osvoboditeli» ili zhertvy rezhima // Svobodnaya mysl'. 1993. № 14. S. 90–91 (in Russian).
18. Aleksandrov K. Russkie soldaty Vermakhta. Geroi ili predateli. M., 2005 (in Russian).
19. Drobyazko S. Pod znamyonami vruga: antisovetskie formirovaniya v sostave germanskikh vooruzhyonnykh sil. 1941–1945. M., 2004 (in Russian).
20. General Vlasov: istoriya predatel'stva: V 2 t. V 3 kn. / Pod red. A.N. Artizova. M., 2015 (in Russian).
21. Otto R., Keller R. Sovetskie voennoplennyye v sisteme kontslagerei Germanii. M., 2020. S. 319 (in Russian).
22. The United States Holocaust Memorial Museum Encyclopedia of Camps and Ghettos, 1933–1945. Vol. IV: Camps and Other Detention Facilities under the German Armed Forces // Ed. by P. Geoffrey. Megargee: Indiana University Press, 2022.
23. Nuzhdin O. Generaly i polkovniki RKKA v plenu v gody Velikoi Otechestvennoi voyny. M., 2020 (in Russian).